

ИДЕИ КАМЕРАЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ Е.Ф. КАНКРИНА¹

Александр Николаевич ДУБЯНСКИЙ,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: assig@inbox.ru

Цитирование: Дубянский, А. Н. (2019). Идеи камерализма в экономической политике Е.Ф. Канкрин // *Terra Economicus*, 17(4), 95–112. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-95-112

Объектом исследования в данной статье является история экономической мысли России и отечественная экономическая история начала XIX в. Предметом изучения служит экономическая политика министра финансов России тех времен Е.Ф. Канкрин. Выдвинута и обосновывается гипотеза о том, что министр финансов являлся сторонником экономического учения камерализма. При этом акцент делается не на экономических воззрениях Канкрин, как принято в исследованиях по истории экономической мысли, а на анализе его действительной экономической политики. Данный подход позволяет взглянуть на этого выдающегося государственного деятеля времен императоров Александра I и Николая I под новым углом зрения. В начале XIX в. в России существовала уникальная ситуация в экономике – параллельное денежное обращение, когда одновременно функционировали две равноправные валюты: бумажные ассигнации и серебряный рубль, курс между которыми устанавливался на бирже. С одной стороны, параллельное обращение дестабилизировало денежное хозяйство страны. С другой – оно способствовало пополнению государственной казны средствами в благородных металлах. Фискальная выгода параллельного обращения останавливала Канкрин от действий по устранению этого аномального для денежного обращения явления. Министр финансов Российской империи в своих действиях более руководствовался практическими соображениями, нежели теоретическими шаблонами, популярными в то время, что полностью отвечало идеям камерализма. Духу этого экономического учения соответствовала и политика протекционизма, активным сторонником которой был Канкрин. Все это позволяет автору сделать вывод о том, что в своей практической деятельности на посту министра финансов Канкрин следовал постулатам камерализма.

Ключевые слова: камерализм; Канкрин Е.Ф.; параллельное денежное обращение; ассигнации; финансовая политика

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

IDEAS OF CAMERALISM IN ECONOMIC POLICY OF CANCRIN

Alexander N. DUBYANSKY,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: assig@inbox.ru

Citation: Dubyansky, A. N. (2019). Ideas of cameralism in economic policy of Cancrin. *Terra Economicus*, 17(4), 95–112. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-95-112

The paper deals with the history of economic thought of Russia and the domestic economic history of the early XIX century. The subject of study in this paper is the economic policy of the Minister of Finance of Russia E.F. Cancrin. The author's purpose is to prove the hypothesis that the Minister of Finance was a supporter of the economic doctrine of cameralism. At the same time, the article focuses not on the economic views of Cancrin, but on the analysis of activities through which he implemented his policies. This approach appears rather new to investigate the economic policy of this outstanding political figure during the reign of Alexander I and Nicholas I. In early XIX century, there was a unique situation in Russia, namely parallel money circulation with two equal currencies, banknotes and silver coins, simultaneously operated; exchange rate between them was established on the stock exchange. On the one hand, the parallel circulation destabilized the monetary economy of the country, but on the other, contributed to the replenishment of the state Treasury with the necessary funds in precious metals. It is the advantage of dual circulation to finance the budget prevented Cancrin from eliminating this unconventional phenomenon. His actions were guided more by practical considerations than by the theoretical patterns popular at the time. This policy met the criteria of cameralism. The spirit of cameralism corresponded to the policy of protectionism, the supporter of which was Cancrin. All this allows the author to conclude that Cancrin was a cameralist.

Keywords: Cameralism; Cancrin E.F.; parallel monetary circulation; banknotes; financial policy

JEL classifications: B11, B31, B41

Введение

В условиях экономических санкций, в которых вынуждена существовать наша страна в настоящее время, при выработке мер по реализации экономической политики могут быть вновь востребованы отдельные положения камерализма, такие как рост бюджетных доходов за счет увеличения несырьевого экспорта, политика импортозамещения и др.

Камерализм можно трактовать и как экономическое учение, и как экономическую политику, принятые в управленческой элите немецких государств в XVII–XVIII вв. Сам термин происходит от латинского слова *camera* (камера), который переводится как комната и государственная казна. Понятие камерализма является сложным, многоплановым и не может быть ограничено только научной концепцией и политикой. Мы используем его в отношении идей, целью которых является научное обоснование экономической политики, направленной в первую очередь на формирование финансовых резервов государства с целью обеспечения его экономической независимости.

Камерализм в контексте экономической политики был актуален для небольших и небогатых немецких государств, не имевших внутренних ресурсов для экономического развития, по сравнению с ведущими европейскими странами, что особенно наглядно проявилось после опустошительной Тридцатилетней войны (1618–1648), которая, как указывает Й. Шумпетер, прервала социально-экономические тенденции развития Германии: «На большей части опустошенной земли, население которой местами сократилось более чем на 90%, князья, их солдаты и чиновники практически составляли то немногое, что сохранилось из политических сил прошлого» (Шумпетер, 2004: 186). Европейский политический ландшафт претерпел в то время серьезные регрессивные изменения: буржуазия практически исчезла и власть в большинстве европейских государств, за исключением Англии, Венгрии и Швейцарии, оказалась в руках аристократии. «Безусловная цель политики этих государств состояла в увеличении богатства и мощи: экономическая политика должна была максимизировать государственные доходы для поддержания двора и армии, а внешняя политика – обеспечить новые завоевания и победы» (Шумпетер, 2004: 187).

В рамках такой экономической политики акцент делался на повышении эффективности управления государственным имуществом путем минимизации расходов и максимизации доходов, а также введением «...монополии на ряд [] отраслей промышленности» (Святловский, 1913: 139). Это было обусловлено тем, что «...правительства были сильно ограничены привилегиями обширной родовой аристократии, ...они искали новых источников доходов» (Святловский, 1913: 139). Помимо этого, формировались необходимые институты, хозяйственные структуры и денежные фонды для развития государственных структур и осуществления внешней экспансии.

Экономические сочинения, в которых рассматривались вопросы государственного управления в Германии XVII в., «... называли камеральной наукой или государственной наукой [Polizeiwissenschaft]», хотя более правильно их было бы назвать «основами экономического управления и экономической политики» (Шумпетер, 2004: 202). Со временем камерализм трансформировался в такие научные дисциплины, как полицейское право (наука об управлении городом или страной) и финансы.

В истории экономической мысли большинство исследователей не причисляют Е.Ф. Канкрин к научной школе камерализма. Так, например, немецкий ученый Й. Цвайнерт относил Канкрин к романтическому экономическому направлению (Romantische Wirtschaft Lehre) Адама Мюллера, сторонники, которого проповедовали возврат к феодальным элементам экономики (Цвайнерт, 2008: 162–167). Другие, в первую очередь западные историки экономической мысли, вообще не считали его взгляды научными. Например, известный исследователь русской экономической мысли Э. Кингстон-Манн считает Канкрин реакционером, преданно служившим царскому режиму (Kingston-Mann, 1999). У. Пинтнер, другой авторитетный исследователь деятельности Канкрин, делает акцент на реакционном характере политики российского министра финансов, которую он якобы заимствовал у А. Мюллера (Pintner, 1967: 25).

Ряд экономистов считают, что Канкрин был сторонником идей «русского камерализма», которые он осуществлял на практике². В частности, американский ученый К. Мондей полагает, что Канкрин является ярким представителем камерализма в русской экономической мысли (Мондэй, 2018: 81; Мондэй, 2014). В значительной степени это объясняется тем, что будущий российский министр финансов получил образование в Гиссенском и Марбургском университетах, где в то время уже преподавали экономические дисциплины, лежавшие в основе камералистского учения. Известный немецкий ученый-камералист И. Зонненфельс давал следующее обобщающее определение этим наукам: «Благочиние³, торговля и доходы разумеют также под словом государ-

² Более подробно о российском камерализме в XVIII веке см.: Raskov, 2019.

³ Юридический термин, относившийся в Российской империи к законодательству о мерах для поддержания безопасности и порядка в городах.

ственного домохозяйства, или называют оные науки экономическими. Обе последние именуют также в особливости науками камеральными...» (Зонненфельс, 1787: 20).

Советский историк экономической мысли И.Г. Блюмин констатировал: «Под значительным влиянием немецкой камералистики находился министр финансов Канкрин» (Блюмин, 1940: 49). В работах российских исследователей Н.М. Арсентьева, Л.Е. Шепелёва также отмечается, что по своему мировоззрению Канкрин может быть отнесен к направлению камерализма (Арсентьев, 2017: 35; Шепелёв, 2001).

Другими словами, Канкрин был причислен к камералистам на основании, так сказать, «косвенных признаков». Сам он камералистом себя не считал, а труды Канкрин не дают оснований для однозначного вывода о научном мировоззрении, хотя бы в силу эклектичности экономических воззрений этого яркого представителя российской государственной бюрократии XIX в.

В данной статье предпринимается попытка доказать, что взгляды Канкрин все-таки позволяют отнести их к камералистскому течению экономической мысли. При этом мы исходим не из текстов его работ, как делают большинство ученых, а отталкиваемся от логики экономической политики Канкрин как министра финансов. Уверенно судить о приверженности чиновников или политических деятелей той или научной концепции можно только по их действиям или мероприятиям, инициаторами которых они выступают.

Например, если рассмотреть финансовую реформу 1810 г., которую пытался провести в России М.М. Сперанский, становится очевидно, что его знаменитый План финансов был составлен экономистами либерального толка. Сперанский разделял идеи А. Смита и предлагал усовершенствовать экономическую систему России на принципах, сформулированных классиком политической экономии. В ходе реформы предполагалось создать в России устойчивое денежное обращение на основе серебряного рубля, упорядочить бюджетную систему, а также сделать более справедливой налоговую систему за счет более справедливого распределения налогового бремени (Дубянский, 2012а). Представляется, что анализ взглядов Канкрин через призму его практической деятельности поможет более четко выявить, каких экономических доктрин он в действительности придерживался.

Экономические взгляды Канкрин

Экономические воззрения Канкрин невозможно определить однозначно, так как в его работах можно найти одобрение идей физиократов и методологии, характерной для немецкой исторической школы. Отчасти он разделял даже идеи представителей классического направления, хотя в целом отвергал это учение за излишнюю абстрактность и универсализм. В трудах Канкрин можно обнаружить и влияние идеологии немецкого камерализма. К главным его работам, в которых Канкрин изложил свои научные взгляды, относятся «Мировое богатство и национальная экономика, или новый взгляд на политическую экономию» (*Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft, oder Versuch neuer Ansuchten der Politischen Oekonomie*), изданная в 1821 г. и недавно переведенная на русский язык (Канкрин, 2018а), и «Экономика человеческого общества и состояние финансов» (*Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaft en und das Finanzwesen*) (Канкрин, 1845). Первая работа была издана еще до того, как Канкрин стал министром финансов, и по существу в ней изложена программа действий будущего министра. Во втором произведении Канкрин подводит итоги своей государственной деятельности. По мнению русского экономиста В.П. Безобразова, «Самое основное начало, на котором зиждется все экономическое учение графа Канкрин, высказано в [этих] его сочинениях» (Безобразов, 1867: 24).

В эссе Канкрин, опубликованном в 1821 г., было кратко изложено его научное мировоззрение в области экономической теории, которым он в дальнейшем руководствовался в своей государственной деятельности. Сам автор определял жанр своей

книги как практическое пособие для пытливых читателей, желающих разобраться в проблемах экономики того времени. Во введении Канкрин сразу оговаривался, что его сочинение не является научным изданием, основанным на «строгом философском порядке», и просил критиков не оценивать его по научным критериям. Он предупреждал, что намерен только «...очертить лишь основные контуры и по возможности избежать хорошо известного и привычного анализа» (Канкрин, 2018а: 135). Эти предварительные замечания понадобились автору, чтобы защитить себя от возможной в будущем критики его произведения с позиций экономической теории.

И. Шумпетер в этой связи писал, что начиная с XV в. в Италии, а затем и в других европейских странах чиновники «...начали излагать на бумаге свои идеи относительно рационального управления экономикой и особенно финансами своих стран» (Шумпетер, 2004: 203). Он называл таких авторов консультантами-администраторами и относил их по научному мировоззрению к направлению камерализма. Своеобразие их творчества состояло в том, что они обладали практическим опытом, но при этом «...не владели приемами систематизации материала и не обладали эрудицией университетских преподавателей, зато они хорошо знали факты и отличались новизной подхода» (Шумпетер, 2004: 203). Думается, что Канкрин как раз можно отнести к таким администраторам. Действительно, он издавал свои труды в первую очередь как руководство для чиновников, а не как научные произведения.

Как уже отмечалось, Канкрин не разделял положений классической политической экономии и в первую очередь был не согласен с ее основной концепцией – трудовой теории стоимости, которая к началу XIX в. прочно укоренилась в экономической науке. Он был искренне убежден, что «...нет более одностороннего и необоснованного постулата, чем тот, который приписывает производство исключительно или преимущественно труду, ведь в этом случае необходимому отдается предпочтение перед еще более необходимым» (Канкрин, 2018а: 139). По мнению Канкринина, в основе производства лежит не только труд, а целая совокупность различных сил, которые совместно с трудом участвуют в создании новой стоимости. Он делил эти факторы на несколько видов: «Чистые силы мертвой природы: сила растений, минералы и другие полезные предметы. Физические силы людей и животных: труд. Интеллектуальные силы: высокий гений разума. Смешанные силы: совершенствование физических с помощью интеллекта, разделение труда, оснащение сил: машины» (Канкрин, 2018а: 139).

Очевидно, в этих высказываниях проявляется эклектичность и порождаемая ею внутренняя противоречивость экономических взглядов будущего министра финансов. Канкрин смешивает положения трудовой теории стоимости с идеями физиократов, утверждавших, что в создании стоимости наравне с трудом участвует и земля, т.е. природные факторы производства. В русле физиократической доктрины Канкрин определяет производительный труд как труд, производящий больше, чем он расходует. Исходя из предложенной дефиниции, дается и определение чистого дохода: «Этот прирост есть так называемый чистый доход» (Канкрин, 2018а: 153). Определение чистого дохода Канкринина в общих чертах воспроизводит аналогичное определение у физиократов.

В частности, Ф. Кенэ определял чистый доход как доход, получаемый классом собственников, который, в свою очередь, представляет «...чистый продукт от земледелия, уплачиваемый ему ежегодно производительным классом, после того как последний вычел из ежегодно воспроизводимых им богатств часть, необходимую на возмещение ежегодных затрат и на поддержание богатств, употребляемых на обработку» (Кенэ, 2008: 350). По сравнению с Канкрининым, чистый доход у Кенэ несет другую идеологическую нагрузку, в первую очередь с точки зрения воспроизводства и с акцентом на то, что доход создается в сельском хозяйстве. Последнее рассматривается физиократами как ведущая отрасль народного хозяйства, а крестьяне (фермеры) – как производительный главный класс общества. В системе воззрений Канкринина категория чистого

дохода имеет не столь важное значение, как у физиократов, но он, несомненно, был знаком с работами Кенэ, о чем свидетельствует его определение производительного труда. «Чисто производительными являются те виды труда, в которых участвует растительная сила природы: земледелие, скотоводство, разведение дичи и, главным образом, рыболовство» (Канкрин, 2018а: 154).

Представляется, что наибольший интерес в монографии Канкрин вызывает его рассуждения о деньгах. Особое внимание будущий министр финансов уделил вопросам бумажноденежного обращения, которое в России в те годы было сильно расстроено. Возможно, его рассуждения по этому вопросу привлекли внимание правящей элиты и послужили основанием для его будущего назначения министром финансов.

Канкрин относился к бумажным деньгам скорее негативно. «Государству не стоит рекомендовать переходить на бумажные деньги, как не стоит советовать молодому человеку посещать игорные заведения» (Канкрин, 2018а: 180). Возможно, на его воззрения повлияла позиция самого известного представителя немецкого камерализма И.Г.Г. Юсти, с предубеждением относившегося к бумажным деньгам (Юсти, 1772: 357–360). Тем не менее, несмотря на отрицательное отношение к бумажной валюте, Канкрин понимал, что эпоха металлических денег близилась к закату и, следовательно, отрицать бумажные деньги было бы недальновидно. Кроме того, бумажные деньги являются для небогатых стран зачастую единственным источником финансовых ресурсов. Впрямую в этом контексте Россию будущий министр финансов не упоминал, но, очевидно, подразумевал. Недаром рассуждениям о бумажных деньгах посвящена значительная часть его работы. В этом также проявляются черты камералистского мировоззрения Канкрин.

Рассуждения Канкрин о бумажных деньгах носят не отвлеченный, теоретический, а сугубо прикладной характер, его интересует в первую очередь то, как можно эффективно использовать деньги для экономического развития страны. По мнению Канкрин, для того чтобы бумажные деньги были относительно безопасными, они должны были отвечать ряду условий. Первое условие предполагало, что деньги должны быть абсолютно дробимыми, т.е. иметь все номиналы в необходимых пропорциях. Второе условие заключалось в обеспеченности бумажных денег металлическим фондом. Третье условие сводилось к свободной конвертации (обмениваемости) бумажных денег на звонкую монету. Четвертое условие было связано с возможностью систематического обновления быстро изнашивающихся купюр. Пятое требование предполагало наличие у бумажных денег защиты от подделок и борьбу с их фальсификацией. Мы видим, что характеристики безопасной денежной системы, какой ее видел Канкрин, были призваны нивелировать основные недостатки бумажных денег.

Кроме того, Канкрин сформулировал свое видение если и не идеального, то хорошо устроенного государства. «Свобода производства, забота о справедливости, личная свобода, соразмерная армия, соответствующая денежная и удовлетворительная финансовая система (идеальной финансовой системы не существует); там, где все это есть, там государственное устройство, будь то монархия или республика, прекрасно содействует росту национального богатства» (Канкрин, 2018а: 148).

Для того чтобы составить представление о действительных взглядах Канкрин, мы обратимся к его деятельности на поприще министра финансов.

Денежное обращение в России в начале XIX века

Прежде чем приступить к анализу деятельности Канкрин на посту министра финансов, необходимо охарактеризовать состояние денежного обращения в России. Вследствие Отечественной войны 1812 г. в стране возникли серьезные проблемы в финансовой сфере и денежном обращении. Важнейшей из них было совместное функционирование в обращении платежных средств двух типов – ассигнаций и монет из драгоценных металлов, имевших друг по отношению к другу плавающий биржевой,

а не фиксированный курс. Другими словами, в России существовало параллельное денежное обращение. Главная особенность параллельного денежного обращения состояла в отсутствии фиксированного курса между разнородными валютами и, следовательно, в том, что не действовал закон Грэшема, согласно которому «плохие» деньги вытесняют из обращения «хорошие». Точнее сказать, в условиях параллельного денежного обращения закон Грэшема действовал, но не в неполной мере, т.е. «плохие» деньги не полностью вытесняли «хорошие» из обращения, а лишь частично. В итоге каждая валюта обращается в своем, отчасти изолированном контуре обмена, что и является параллельным обращением.

Кроме того, в 1812 г. для поддержания курса бумажной валюты правительство приняло решение о том, чтобы все фискальные платежи в казну проводить исключительно в ассигнациях. В результате в разных районах страны периодически происходило скачкообразное повышение курса ассигнаций на внутренних рынках, и эти курсовые колебания получили название «простонародных лажей».

Данный термин был очень популярным в XVII–XIX вв. Этимологически «лаж» происходит от итальянского слова *aggio*, означающего превышение рыночной оценки валютных курсов, золота, векселей и других ценных бумаг над установленным номиналом (Расков, 2008). Непосредственной причиной лажей являлась обязанность производить все сделки только в ассигнационных рублях, курс которых заранее не устанавливался. Поэтому обычной практикой было включение в условия о поставках товара пункта о том, что расчет будет происходить по более низкому биржевому курсу, чем существовавший на момент заключения договора, так как по умолчанию подразумевался перманентно снижающийся курс ассигнаций. Вследствие этого цены устанавливались в условных, счетных рублях, как правило, 4 рубля ассигнациями за рубль серебром. Целью использования счетного ассигнационного рубля было стремление хеджироваться от постоянных ценовых колебаний, которые с неизбежностью возникали бы, если бы за основу брался биржевой курс ассигнаций (Катыхова и др., 1994: 41). Когда наступало время расплачиваться за товар, покупатель либо недоплачивал, либо переплачивал за него. Во избежание этого необходимо было производить корректирующие перерасчеты по текущему курсу, которые большая часть населения страны или не могла делать, или не могла проверить (крестьяне были в массе своей неграмотны) (Дубянский, 2012b). Существовали даже специальные таблицы, с помощью которых можно было быстро вычислить размер лажа (Ер-Енц, 2014).

В результате сложных расчетов курсовой разницы при сделках курс ассигнаций иногда занижался до 4,20 рубля по сравнению с биржевым курсом, который колебался обычно в пределах 3,50–3,60 рубля ассигнациями за 1 серебряный рубль. Все это очень напоминает манипуляции российских торговцев в 1990-е – начале 2000-х гг. с курсами покупки и продажи доллара, когда цены на товары в так называемых «условных единицах» при переводе в рубли пересчитывались по более высокому курсу доллара, а не по биржевому курсу или курсу его покупки (Дубянский, 2013).

Основную выгоду от курсовой разницы получало купечество и другие торговые посредники. Издержки несли главным образом крестьяне как основные налогоплательщики, так как они рассчитывали, что если в сделке (по продаже своей продукции перекупщикам) зафиксирован определенный курс ассигнаций, то в соответствии с ним они и должны производить свои расчеты с казной. Однако при уплате налоговых платежей выяснялось, что ассигнации у них принимались по более высокому курсу. Получались своего рода «курсовые ножницы», или, говоря другими словами, дополнительное налогообложение в пользу недобросовестных торговцев. Естественно, что такая ситуация в денежном обращении вызывала массовое недовольство и возмущение. Система денежного обращения в России объективно нуждалась если не в немедленном реформировании, то хотя бы в упорядочении.

Начиная с 1818 г. ситуация с колебаниями лажей изменилась. Это связано с тем, что после Отечественной войны российское министерство финансов под руководством Д.А. Гурьева приступило к частичному выкупу и дальнейшему уничтожению выведенных из обращения бумажных денег, чтобы повысить курс ассигнаций. В данном случае правительство руководствовалось идеями, заложенными в План финансов М.М. Сперанского, некоторые мероприятия которого были частично осуществлены в 1810 г. Согласно этому плану, страна должна была прийти к серебряному монометаллизму и избавиться от обесценившейся бумажной валюты – ассигнаций. Эмиссия последних была прекращена, и весь объем уже эмитированных ассигнационных рублей признавался государственным долгом перед населением страны, который правительство должно было погасить. Однако после того, как Сперанский попал в опалу, реализация плана приостановилась, а начавшаяся в 1812 г. война и вовсе вынудила от него отказаться, так как для финансирования военных расходов вновь требовалась эмиссия бумажных денег, а иных ресурсов у страны не было.

При выкупе бумажных денег реализовывалась идея Сперанского о необходимости погашения государственного долга, номинированного в ассигнациях (Дубянский, 2019). Очевидно, что правительство в этих мероприятиях по укреплению ассигнационного рубля исходило из догматического толкования количественной теории денег (Марней, 2009). Согласно этой теории, ценность денег определяется их количеством, а значит, при сокращении денежной массы, соответственно, должна возрастать ценность денежной единицы.

Мероприятия по выкупу ассигнаций продолжались в течение шести лет, с 1818 по 1823 г. В результате объем бумажной денежной массы сократился с 836 млн рублей в 1817 г. до 595,8 млн рублей к 1823 г. Справедливости ради стоит отметить, что выкуп ассигнаций мало способствовал повышению курса бумажных денег по отношению к серебряному рублю. Так, в 1817 г. за 1 рубль серебром давали 3,84 рубля ассигнациями, а в 1823 г. курс был равен 3,73 рубля (Бржеский, 1884: 5). Количественная теория денег хороша как научная гипотеза, но далеко не всегда подкрепляется фактами реальной жизни. Неэффективность мероприятий по выкупу ассигнаций хорошо иллюстрируется данными, приводимыми в табл. 1.

Таблица 1

Изменение денежной массы в России в 1812–1823 гг.

Год	Выпущено руб. ассигнациями	Изъято из обращения ассигнациями	Итого в обращении		
			руб. ассигнациями	Составляющие	
				по курсу	в сереб. руб.
1812	64 500 000	—	645 894 400	388	166 699 590
1813	103 440 000	—	749 334 400	397	186 230 327
1814	48 791 500	—	798 125 900	396	201 546 955
1815	30 197 800	—	825 823 700	421	196 157 648
1816	5 600 000	—	831 423 700	404	205 797 965
1817	4 576 300	—	836 000 000	384	217 708 333
1818	—	38 023 875	797 976 125	379	210 547 790
1819	1 578 500	80 229 030	719 325 595	372	193 367 095
1820	1 461 056	35 614 105	685 172 545	374	183 201 215
1821	3 754 965	37 242 410	651 685 100	378	172 403 465
1822	—	44 968 230	606 776 870	375	161 791 165
1823	—	10 940 560	595 776 310	373	159 728 233

Источник: Шторх, 1868: 52.

В результате мероприятий по изъятию бумажных денег курс ассигнаций стал медленно повышаться. Впрочем, главной причиной этого роста видится острый дефицит ассигнаций из-за сокращения их количества, требующегося для уплаты налогов, в силу того, что все фискальные платежи должны были осуществляться исключительно в ассигнационных рублях. При изменении вектора лажа издержки от повышения курса бумажной валюты начали нести уже должники, а кредиторы получали выгоду, хотя, на наш взгляд, ревальвация не имела столь серьезных и однозначных последствий, по сравнению с простонародными лажами. Точнее говоря, беспокойство держателям бумажных денег доставляли не столько простонародные лажи, сколько постоянные колебания курса ассигнаций, и даже не сами эти изменения, а неясность позиции государства в данном вопросе, отсутствие государственной воли, которая должна была бы выразиться в установлении твердого курса ассигнаций по отношению к серебряному рублю.

Приведенные суждения будут справедливыми, если рассматривать параллельное денежное обращение как сугубо негативное явление, дестабилизировавшее экономическую жизнь. Если же взглянуть на него с другой стороны, можно отметить и положительные черты совместного обращения валют и лажей, правда, они являются позитивными главным образом с позиций государства, вернее, с точки зрения его фискальных интересов. Видимо, их и имел в виду Канкрин, оттягивая начало денежной реформы, насколько позволяла экономическая ситуация. Вероятно, он видел положительные черты параллельного денежного обращения.

Впрочем, параллельное денежное обращение оказывало и положительное влияние. В пользу параллельных денег свидетельствует их соответствие неоднородной структуре российской экономики. Согласно фундаментальному принципу кибернетики, разнообразие сложной системы требует дополнения (управления), которое само обладает определенным разнообразием. Если система не обладает достаточным разнообразием составляющих ее элементов, она становится неустойчивой по отношению к внешним воздействиям и внутренним возмущениям. Другими словами, для каждого сектора экономики должны существовать деньги, адекватные условиям хозяйствования в этой сфере.

Исходя из принципов системного подхода, для неоднородной экономики России параллельное денежное обращение было вполне адекватным, поскольку она представляла собой совокупность разнородных элементов, как с точки зрения хозяйственного развития, так и в территориальном плане.

С одной стороны, были области с достаточно высоким по российским меркам уровнем развития, такие как прибалтийские губернии, Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Сюда можно отнести также территории с активно развивавшимся сельским хозяйством капиталистического типа (Юг России) и губернии, через которые велась внешняя торговля – Астраханская, Архангельская и, конечно, столичная Петербургская губерния.

На этих территориях в денежном обращении доминировало серебро, а ассигнации были представлены незначительно. Во всех других губерниях, уступавших по экономическому развитию названным территориям, в обращении господствовали ассигнации. Иначе говоря, более развитые и ориентированные на внешнюю торговлю регионы пользовались устойчивой серебряной валютой, а менее развитые в экономическом плане территории – дешевающими год от года ассигнациями (Дубянский, 2018). В итоге каждый регион получил валюту, соответствующую своему уровню развития.

Естественно, такое положение дел не могло не вызывать экономических и политических противоречий. «Обращение обесцененных бумажных денежных знаков отвечало интересам большей части дворян, имущество которых было в долгах» (Мальшев, Таранков, Смиранный, 1991: 30). Действительно, обесценивающаяся валюта выгодна должникам, так как в этом случае инфляция частично «списывает» долговое бремя.

Кроме того, слабая валюта создает дополнительные конкурентные преимущества для производителей. Помещики центральных российских губерний при помощи ассигнаций получали возможность успешнее сбывать свой основной товар – зерновые культуры довольно низкого качества.

Подобное положение не устраивало вставших на капиталистический путь представителей дворянства и нарождавшуюся русскую буржуазию. Для них параллельное денежное обращение было «тормозом для развития капиталистической деятельности, обесценивало доходы от нее» (Мальшев, Таранков, Смиранный, 1991: 30). Представители этой группы были объективно заинтересованы в стабильной валюте.

Данное обстоятельство сыграло решающую роль в проведении направленной на устранение параллельного денежного обращения денежной реформы 1839–1843 гг., которую вынужден был провести Канкрин. Однако перипетии одной из самых успешных денежных реформ в истории страны не могут быть рассмотрены в данной статье в силу ограничений, обусловленных тематикой работы.

Проявление камерализма в экономической политике Канкрин

Главной целью государственного управления, формулируемой в учении камерализма является максимизация доходов в государственных бюджетах небогатых стран. Россия, как и немецкие государства, была бедной страной с абсолютной монархией, и поэтому перед ней стояла та же задача: увеличение бюджетных доходов и сокращение расходов. Если в немецких государствах в ходе Тридцатилетней войны буржуазия практически исчезла, то в России к началу XIX в. она еще не сформировалась как класс. Поэтому государство должно было опираться на собственные силы в генерировании доходов.

Деятельность по укреплению российского бюджета Канкрин начал еще до вступления на пост министра финансов, так как он занимал должность консультанта-администратора правительственных чиновников. Канкрин стал идеологом и вдохновителем «запретительного» таможенного тарифа, введенного в России в 1822 г. вместо фритредерских тарифов, которые практически не приносили доходов в бюджет. Благодаря повышению пошлин доходы российской казны с 1823 г. по 1845 г. увеличились в три раза (Божемянов, 1897: 24), а внешнеторговый товарооборот вырос с 97,4 млн рублей серебром в 1823 г. до 176,45 млн рублей в 1839 г. (Военно-статистический сборник, 1871: 668). Несмотря на сомнения значительной части российского истеблишмента, высокие тарифы не оказали заметного отрицательного влияния на внешнюю торговлю.

В связи с повышением таможенного тарифа ожидаемо выросли объемы контрабанды, что потребовало упорядочивания деятельности таможенной службы. В те годы занять должность на таможне считалось «улыбкой фортуны» (Мухамедина, 2012: 64). Для повышения эффективности деятельности таможенной службы Канкрин осуществил ее кардинальную реформу, в рамках которой был обновлен кадровый состав таможен, приняты законодательные акты о борьбе с контрабандой, увеличен штат пограничной стражи. На всей пограничной линии несли службу около 9 тысяч человек, часть из которых приходилась на дозорщиков из отставных солдат (Канкрин, 1894: 208).

Как уже отмечалось, из-за ограничений, связанных с дворянской привилегией, освобождавшей это сословие от налогов, требовался поиск новых источников доходов и реанимация старых. Наиболее перспективными источниками пополнения казны были государственные монополии, к которым в России относились в первую очередь винные и соляные монополии. Винная монополия реализовывалась в России посредством взимания питейных сборов. Правила последних неоднократно менялись, но, как говорил Канкрин, система всегда была двойкой: «...питейный доход поступал или за продаваемые непосредственно от самого Правительства питья, или же получаем был

от отдачи означенной продажи, на известное время, в откупное содержание частным лицам» (Канкрин, 2018b: 341).

Начиная с 1781 г. в стране действовала откупная система, а в 1819 г. была введена казенная продажа крепкого алкоголя⁴. Однако в 1827 г. казенное управление питейными сборами вновь было упразднено «по замеченным важным неудобствам оно и по упадку дохода, и восстановлены опять откупа в улучшенной системе» (Канкрин, 2018b: 341). За восстановление винных откупов, из-за которых обогащались перекупщики, Канкрин сильно критиковали как современники, так и более поздние исследователи русской экономической истории. Канкрин видел все недостатки откупной системы, связанные в первую очередь с качеством спиртных напитков и манипулированием откупщиков с прибылями, однако более значимого источника казенных доходов в стране не существовало. Поступления с откупов превзошли размеры подушной подати и оброка с государственных крестьян в государственном бюджете (Горюшкина, 2013: 204).

По инициативе Канкрин в 1818 г. в России отказались от соляной монополии ввиду ее убыточности для казны из-за больших расходов на транспортировку и хранение. Была разрешена «вольная продажа соли». Правительство оставило за собой контроль над ценами посредством акциза, который во времена Канкрин был стабильным. В результате вместо убытков в 2 721 045 рублей (1810 г.), например, в 1819 г. казна получила чистую прибыль от продажи соли в 9 426 543 рубля, а к 1823 г. она возросла до 18 640 751 рубля (Канкрин, 2018b: 345–348).

Кроме того, Канкрин считал неприемлемым повышение налогов, особенно подушной подати (Сементовский, 2012: 28), и за то время, когда он находился на посту министра финансов, новых налогов не вводилось. Для устранения кассовых разрывов, обусловленных чрезвычайными расходами, правительство обращалось к внутренним и внешним займам. Благодаря рациональной политике Канкрин были сэкономлены значительные средства, за счет которых были профинансированы русско-иранская (1826–1828), русско-турецкая (1828–1829) войны и подавление польского мятежа (1830–1831) (Канкрин, 2018b: 387).

В начале своей деятельности на министерском посту Канкрин прекратил выкуп ассигнаций, который был начат по инициативе его предшественника Гурьева. Новый министр отмечал: «Уменьшение массы бумажных денег не такое простое дело, оно связано с бесконечными сложностями и рисками» (Канкрин, 2018a: 180). Если и приступать к уменьшению денежной массы, то очень осторожно и постепенно, предварительно взвесив все возможные негативные последствия. Еще более категорично Канкрин высказывался относительно уменьшения количества бумажных денег за счет заимствованных средств: «Нет ничего более дикого, чем желание сократить массу бумажных денег с помощью займов или фондов...» (Канкрин, 2018a: 181). Отметим, что российское правительство именно так и поступало, т.е. финансировало выкуп ассигнаций за счет внутренних, но в основном внешних заимствований.

На пагубность правительственных мероприятий по выкупу ассигнаций для состояния государственного бюджета указывал и русский экономист П.А. Шторх: «Вот весь успех меры, стоившей огромных расходов и обременившей государственное казначейство долгом более чем в 252 000 000 рублей серебром с ежегодными по нему процентами до 15 млн рублей, – бремя, которое будет переходить с одного поколения на другое» (Шторх, 1868: 46).

Канкрин полагал, что неправильно считать ассигнации государственным долгом, потому что это может полностью парализовать государственные финансы, так как основной их задачей станет обслуживание задолженности. Он также высказывал

⁴ Эта система взимания питейных сборов относилась только к 29 великороссийским губерниям. В остальных губерниях, исходя из местной специфики, действовала смешанная система или осуществлялась свободная продажа алкоголя.

рациональную мысль, идеологически близкую идеологии камерализма, о том, что: «...бумажные деньги всякого рода в существе своем вовсе не то, что какой-либо государственный долг, и вовсе не логично величают их так. Бумажные деньги скорее имеют сходство в сущности своей с ухудшенными металлическими монетами, – это род затаенного налога без названия» (Канкрин, 1894: 101). В этих словах Канкрин проявлялся его государственный рационализм, выражавшийся в стремлении всемерно сохранять государственные средства, коим в небогатой стране всегда найдется иное применение, нежели выкуп бумажных денег.

Нельзя пройти мимо еще одного высказывания министра финансов относительно внешнего влияния на экономическую политику, когда при ее проведении бездумно, без учета местных особенностей используются инструменты, применяемые в других странах: «И менее всего здесь надо руководствоваться стремлением к подражанию, которое, как кажется, очень ярко выражено в некоторых странах Европы» (Канкрин, 2018а: 180). Очевидно, что, говоря о европейских странах, Канкрин подразумевал в первую очередь Россию. Мы видим, что он отрицательно относился к бездумному использованию «рецептов», почерпнутых из опыта других стран или рекомендованных экономической наукой. Стоит отметить, что признание ассигнаций государственным долгом и их дальнейший выкуп, прекращенный Канкриным, был инспирирован М.М. Сперанским. Государственный секретарь не имел систематического экономического образования (как, впрочем, и подавляющее большинство высших российских чиновников) и опирался при формировании своего знаменитого Плана финансов на доклад известного в то время экономиста М.А. Балугьянского, признанного авторитета в области экономических наук, разделявшего современные для того времени идеи либерализма. Как отмечал В.М. Штейн, отставка Сперанского не сказалась на влиянии Балугьянского в министерстве финансов, так как стал он советником министра финансов Гурьева и «...именно ему, по-видимому, принадлежит составление нового финансового плана в 1814 году» (Штейн, 1948: 33).

Канкрин как государственно деятеля отличало нежелание следовать шаблонам или абстрактным теоретическим схемам. Поэтому вновь назначенный в 1823 г. министр финансов не стал сразу исправлять расстроенное денежное хозяйство России. Он заметил, что параллельное денежное обращение, несмотря на издержки для населения, было чрезвычайно выгодно государству. Например, начиная с 1833 г., т.е. после того, как была разрешена уплата налогов серебром, поток последнего в казну резко возрос. Российский экономист П.Х. Шванебах приводил следующие данные: «В 1829 г. приход монетою составил 13,8 млн рублей ассигнациями; поступления держались около этого до 1832 г., а затем обнаружился быстрый рост металлического прихода: 1833 – 23,9 млн; 1834 – 25,8; 1835 – 38,5; 1836 – 38; 1837 – 43,9; 1838 – 58,2; 1839 – 96,3 млн рублей ассигнациями» (Шванебах, 1901: 8).

Из каких источников поступала серебряная наличность в обращение? Во-первых, из-под спуда, т.е. из личных запасов населения. Звонкая монета извлекалась из сокровищ главным образом потому, что в обращении ощущался острый дефицит наличности, обусловленный, с одной стороны, сокращением массы ассигнаций, а с другой – начавшимся экономическим ростом. Кроме того, падение курса серебряных денег по отношению к бумажным стимулировало их массовый приток в сферу обращения. Парадоксально, но факт: серебряный рубль превратился в относительно «худший» вид денег по сравнению с ассигнациями, и население, согласно закону Грэшема, стремилось избавляться от обесценивавшейся серебряной валюты. Во-вторых, в рассматриваемый период в Россию начался приток серебра из-за рубежа. Ввоз иностранной серебряной монеты был обусловлен более выгодными ставками по депозитам в российских банках. «У нас минимальный рыночный процент 5, в других государствах – от 2%-1%», – отмечал В.Т. Судейкин (Судейкин, 1891: 38).

Канкрин обращал внимание на еще одну причину, которая «состояла в большом развитии заграничной торговли российскими продуктами при замене многих иностранных изделий собственными» (Канкрин, 2018b: 430). Политика импортозамещения, как бы ее сейчас назвали, была главной целью протекционизма, сторонником которого был министр финансов. К тому же развитие внешней торговли сопровождалось наличием устойчивого положительного сальдо. М.И. Туган-Барановский писал: «Россия в течение ряда лет после окончания наполеоновских войн имела чрезвычайно благоприятный торговый баланс: серебро и золото приливали в страну и перечекивались в монету» (Туган-Барановский, 1917: 75). Внешнеторговый оборот России в эти годы наглядно иллюстрирует указанную тенденцию (табл. 2).

Таблица 2

Внешняя торговля России в 1816–1839 гг., млн золотых руб.

Период	Вывоз	Привоз	Сальдо
1816–1819	61,5	41,7	+19,8
1820–1821	54,9	58,5	-3,6
1822–1825	55,1	45,3	+9,8
1826–1830	61,5	54,5	+7,0
1831–1835	66,4	54,9	+11,5
1836–1839	83,4	68,2	+15,2

Источник: Покровский, 1901: Приложение, с. 4.

Все эти процессы привели к тому, что государство смогло значительно увеличить свой металлический фонд, необходимый для поддержания стабильного денежного обращения в стране, не приложив к тому никаких особых усилий. В этом наглядно проявлялась политика по росту доходов, основанная на идеях камерализма. В прежние годы для пополнения своего металлического фонда правительство вынуждено было прибегать, как правило, к внешним заимствованиям, которые обременяли казну высокими процентными выплатами по долгам.

Естественно, что Канкрин не могло не устраивать такое положение дел, при котором состояние государственных финансов постоянно улучшалось, и он объективно был не заинтересован в демонтаже параллельной системы денежного обращения. Этим, наверное, и можно объяснить неторопливость министра финансов в проведении реформы денежной системы. Своеобразие сложившейся ситуации отмечал В.Т. Судейкин: «... с полным правом можно утверждать, что последовавшее в 1812–1839 гг. допущение совместного обращения металлических и бумажных денег на нашем рынке, не оказывая влияния на обесценение последних, укрепило в то же время запасы металла в народном хозяйстве, что сделало возможным самое восстановление металлического обращения в стране» (Судейкин, 1891: 39).

В конечном итоге в России сложилась экономическая система Канкрин, о формировании которой он много говорил в своих работах. В.А. Лебедев определял сущность этой системы в «...поощрении промышленности и вместе поднятии этим путем финансового благосостояния государства» (Лебедев, 1896: 7). Очевидно, что главной целью Канкрин являлось обеспечение финансового благосостояния государства, что соответствовало идеям камерализма.

Заключение

Рассмотренные в статье примеры показывают, что, исходя из характера мероприятий, проводившихся Канкриным на посту министра финансов России, его в полной мере можно считать камералистом.

В первую очередь это выражалось в повышении импортных пошлин, в создании эффективной системы сбора доходов от государственных монополий, в рациональном управлении денежным обращением в стране. Канкрин (буквально по Шумпетеру) ограничивал государственные расходы для финансирования войн, которые Россия была вынуждена вести со своими соседями.

Далеко не все исследователи экономической истории нашей страны сходятся в позитивной оценке деятельности Канкринина. Так, например, В.М. Штейн, говоря о российском министре финансов констатировал, что тот «оставался в сущности только “главным кассиром”», применявшим к государственному хозяйству «копеечные приемы домашнего скопидомства» (Штейн, 1948: 72).

Возможно, эти обвинения и справедливы, и Канкрину не хватало государственного размаха, соответствующего масштабу такой страны, как Россия, однако он являлся наиболее подходящим министром финансов. Когда Канкрин вступил на этот пост, денежная система страны находилась в расстроенном состоянии, бюджет был глубоко дефицитным и в целом экономика страны находилась на грани кризиса. Россия была бедной страной, не имевшей устойчивых источников доходов, а прибегать к займам было рискованно в силу того, что не было понятно, за счет чего можно будет погашать долги. В этой ситуации Канкрин выбрал, как представляется, оптимальный вариант действий: он исходил из той конкретной ситуации, в которой находилась экономика России, и вынужден был ориентироваться на мобилизацию внутренних резервов. Думается, что консерватизм Канкринина, проявлявшийся в неприятии железных дорог, банков и прочего, был обусловлен в первую очередь стремлением к экономии государственных средств. Известный историк экономической мысли М. Блауг, характеризуя доиндустриальную эпоху развития, отмечал, что: «...на всем протяжении человеческой истории склонность сберегать преобладала над побуждением инвестировать...» (Блауг, 1994: 13).

Сам Канкрин как министр финансов видел свою главную задачу в стабилизации курса ассигнаций. Однако он отказался от немедленной реформы денежного обращения, а занял выжидательную позицию. В этой связи В.А. Лебедев отмечал, что Канкрин «...не тотчас же приступил к выполнению плана реформы, а выжидая благоприятных обстоятельств, которые и действительно явились ему в помощь» (Лебедев, 1896: 10). Именно в этой осторожности и проявлялся камерализм в экономической политике Канкринина. Он не стал сразу фиксировать курс ассигнаций для борьбы с простонародными лажами, а использовал параллельное обращение для решения проблем, связанных с повышением доходов казны. В результате за счет накопления значительного металлического фонда и без привлечения иностранных кредитов Канкрин смог провести денежную реформу, которая впоследствии получила его имя.

Дж.М. Кейнс писал о таких меркантилистах⁵ из числа государственных управленцев (администраторов): «...если говорить о вкладе в искусство государственного управления экономической системой в целом и обеспечения оптимальной занятости всех ресурсов этой системы, то ранние представители экономической мысли XVI и XVII вв. в некоторых вопросах достигали практической мудрости, которая в оторванных от жизни абстракциях Рикардо была сначала забыта, а потом и вовсе вычеркнута» (Кейнс, 2007: 308). Думается, что Канкрин в полной мере может быть отнесен к этой когорте представителей экономической мысли, вклад которых более важен в практическом аспекте их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсентьев, Н. М. (2017). Дилемма индустриализации в России в XIX в. // *Экономическая история*, (3), 31–49.
- Безобразов, В. П. (1867). О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе / В кн.: *Соч. В. П. Безобразова*. М.: Унив. тип. (Катков и К°).
- Блауг, М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело Лтд.

⁵ Камерализм является по существу проявлением меркантилизма в условиях германских государств в XVII–XVIII вв.

- Блюмин, И. Г. (1940). *Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века*. М.-Л.: Издательство Академии наук Союза ССР.
- Божемянов, И. Н. (1897). *Граф Е. Ф. Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления министерством финансов*. СПб.: Изд. гр. И. В. Канкрин.
- Бржеский, Н. К. (1884). *Государственные долги России*. СПб.: Типо-лит. А. М. Вольфа.
- Военно-статистический сборник (1871)*. Вып. 4. Россия. СПб.
- Горюшкина, Н. Е. (2013). «Я брошу откупа, но укажите мне, чем их заменить»: О возврате откупов в министерство Е. Ф. Канкрин // *Известия Юго-Западного государственного университета*, (6-1), 202–206.
- Дубянский, А. Н. (2012а). Финансовая реформа в России в начале XIX века // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия «Экономика», (2), 91–98.
- Дубянский, А. Н. (2012b). Простонародные лажи в денежном обращении России в начале XIX века // *ЭКО*, (10), 179–188.
- Дубянский, А. Н. (2013). Категория параллельных денег в русской экономической литературе XIX–XX веков // *Вопросы экономики*, (7), 111–123.
- Дубянский, А. Н. (2018). Е. Ф. Канкрин – жизнь и деятельность, 15–58 / В кн.: Канкрин, Е. Ф. *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Дубянский, А. Н. (2019). Михаил Андреевич Балугьянский как ученый-экономист и политик, с. 67–76 / В сб.: *Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: Путь в 200 лет*. Сб. статей, посвященный 200-летию кафедры политической экономии (экономической теории) СПбГУ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Ер-Енц, А. К. (2014). *Русская нумизматика, или Вспомогательные таблицы для счисления денег*. М.: Книга по требованию.
- Зонненфельс, И. (1787). *Начальные основания полиции или благочиния*. М.: Унив. тип., у Н. Новикова.
- Канкрин, Е. Ф. (1845). *Экономика человеческого общества и состояние финансов*. СПб.
- Канкрин, Е. Ф. (1894). *Очерки политической экономии и финансии*, в 3 ч. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук.
- Канкрин, Е. Ф. (2018а). *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Канкрин, Е. Ф. (2018b). Краткое обозрение российских финансов, 313–482 / В кн.: Канкрин, Е. Ф. *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Катыхова, Л. А., Бокарев, Ю. П., Боханов, А. Н. и др. (1994). *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв.* М.: Прогресс-Академия.
- Кейнс, Дж. М. (2007). *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Эксмо.
- Кенэ, Ф. (2008). Анализ «Экономической таблицы», 350–357 / В кн.: Клюкин П. Н. (ред.) *Физиократы. Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П.-С. Дюпон де Немур. Избранные экономические произведения*. М.: Эксмо.
- Лебедев, В. А. (1896). *Граф Егор Францович Канкрин*. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов.
- Мальшев, А. И., Таранков, В. И., Смиранный, И. Н. (1991). *Бумажные денежные знаки России и СССР*. М.: Финансы и статистика.
- Марней, Л. П. (2009). *Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в.* М.: Идрик.
- Мондэй, К. (2014). Национальная идентичность и экономическая наука: Е.Ф. Канкрин в русском общественном сознании // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия «Экономика», (3), 86–112.

- Моңдэй, К. (2018). Камерализм как источник научного аппарата Е. Ф. Канкрина, 59–81 / В кн.: Канкрин, Е. Ф. *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Мухамедина, Ш. (2012). Уроки реформ: министр финансов Е. Ф. Канкрин и его оппоненты // *Вестник финансового университета*, (5), 62–71.
- Покровский, В. И. (1901). *К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли*. СПб.: Тип. И. Гольдберга.
- Расков, Д. Е. (2008). Денежная реформа Алексея Михайловича и проблема доверия // *Вестник СПбГУ. Серия «Экономика»*, (3), 69–80.
- Сементовский, Р. И. (2012). *Е. Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность*. М.: Книга по требованию.
- Святловский, В. В. (1913). *Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России*, Ч. 1. СПб.: Тип. «Герольд».
- Судейкин, В. Т. (1891). *Восстановление в России металлического обращения (1839–1843 гг.)*. М.: Ред. Юрид. вестн.
- Туган-Барановский, М. М. (1917). *Бумажные деньги и металл*. Петроград: Юрид. кн. скл. «Право».
- Цвайнерт, Й. (2008). *История экономической мысли в России. 1805–1905*. М.: Изд. Дом ГУ – ВШЭ.
- Шванебах, П. Х. (1901). *Денежное преобразование и народное хозяйство*. СПб.: Стасюлевич.
- Шепелёв, Л. Е. (2001). Е. Ф. Канкрин и торгово-промышленная политика финансового ведомства (1823–1844), 145–226 / В сб.: Л. Е. Шепелёв (отв. ред.) *Английская набережная, 4. Ежегодник*. СПб.
- Штейн, В. М. (1948). *Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков*. Ленинград: Изд-во и тип. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та.
- Шторх, П. А. (1868). *Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год*. СПб.: Печатня В. Головина.
- Шумпетер, Й. А. (2004). *История экономического анализа: В 3 т. Т. 1*. СПб.: Экономическая школа.
- Юсти, И. Г. Г. (1772). *Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния*, Т. 1. СПб.: Типография при Имп. Акад. Наук.
- Kingston-Mann, E. (1999). *In The Search of the True West: Culture, Economic, and Problems of Russian Development*. Princeton University Press.
- Pintner, W. M. (1967). *Russian economic policy under Nicholas I*. New York: Cornell University Press.
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.

REFERENCES

- Arsentev, N. M. (2017). The Dilemma of industrialization in Russia in the XIX century. *Russian Journal of Economic History*, (3), 31–49. (In Russian.)
- Bezobrazov, V. P. (1867). *On the influence of economic science on public life in modern Europe*. Moscow: University typography Katkov i K°. (In Russian.)
- Blaug, M. (1994). *Economic Theory in Retrospect*. Moscow: Delo Ltd. (In Russian.)

- Blyumin, I. G. (1940). *Essays on economic thought in Russia in the first half of the XIX century*. Moscow – Leningrad: Publ. by the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian.)
- Bozheryanov, I. N. (1897). *Count E. F. Cancrin, his life, literary works and twenty years of control activities by the Ministry of Finance*. Saint Petersburg: Publ. by gr. I. V. Kankrin. (In Russian.)
- Brzheskiy, N. K. (1884). *The State debts of Russia*. Saint Petersburg: Type lithography of A. M. Volf. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (1845). *The economy of human society and the state of finance*. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (1894). *Essays on political economy and finance*, in 3 vols. Saint Petersburg: Typography of the Academy of Sciences. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (2018a). *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPa. (In Russian.)
- Cancrin, E. F. (2018b). A brief review of the Russian finance, pp. 313–482 / In: Cancrin, E. F. *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPa. (In Russian.)
- Dubyansky, A. (2013). Parallel Money in the Russian Economic Literature of the XIX–XX centuries. *Voprosy Ekonomiki*, (7), 111–123. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2012a). Financial Reform in Russia at the Beginning of XIX Century. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, (2), 91–98. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2012b). Folksy mess in the monetary circulation of Russia in the early XIX century. *ECO*, (10), 179–188. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2018). E. F. Cancrin – Life and Activity, pp. 15–58 / In: Cancrin, E. F. *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPa. (In Russian.)
- Dubyansky, A. N. (2019). Michael A. Balugiansky as a scientist-economist and politician, pp. 67–76 / In: *Economic theory at St. Petersburg University: The way in 200 years*. Collection of articles dedicated to the 200th anniversary of the Department of political economy (economic theory) of St. Petersburg State University. Saint Petersburg: Publ. Of St. Petersburg State University. (In Russian.)
- Er-Ents, A. K. (2014). *Russian numismatics or Auxiliary tables for the calculation of money*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ. (In Russian.)
- Goryushkina, N. E. (2013). «I'll give up the payoff, but tell me what to replace them»: on the return of payoffs to the Ministry of E.F. Cancrin. *Proceedings of the Southwest State University*, (6-1), 202–206. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1772). *The Foundation of the Power and Welfare of the Kingdoms, or a Detailed Outline of all Knowledge Relating to the State Police*, Vol. 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Katykhova, L. A., Bokarev, Yu. P., Bokhanov, A. N. et al. (1994). *Russian ruble. Two centuries of history. XIX–XX centuries*. Moscow: Progress-Akademiya Publ. (In Russian.)
- Keynes, J. M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- Kingston-Mann, E. (1999). *In The Search of the True West: Culture, Economic, and Problems of Russian Development*. Princeton University Press.
- Lebedev, V. A. (1896). *Count Yegor Frantsovich Cancrin*. Saint Petersburg: Typography of the General Administration (Tipografiya glavnogo upravleniya udelov). (In Russian.)
- Malyshev, A. I., Tarankov, V. I., Smirennyj, I. N. (1991). *Paper money in Russia and USSR*. Moscow: Finansy i statistika Publ. (In Russian.)

- Marney, L. P. (2009). *D. A. Guriev and financial policy of Russia in the early XIX century*. Moscow: Idrik Publ. (In Russian.)
- Military Statistical Collection* (1871). Vol. 4. Russia. Saint Petersburg.
- Monday, Ch. (2014). National Identity and Economics: Georg Cancrin in the «Russian School» of Economic Thought. *St. Petersburg university journal of economic studies*, (3), 86–112. (In Russian.)
- Monday, Ch. (2018). Cameralism as the source of the research of E. F. Cancrin, pp. 59–81 / In: Cancrin, E. F. *World wealth and national economy*. Moscow: Publishing house «Delo» by RANEPa. (In Russian.)
- Mukhamedina, Sh. (2012). Lessons of reforms: Minister of Finance E. F. Cancrin and his opponents. *Bulletin of the Financial University*, (5), 62–71. (In Russian.)
- Pintner, W. M. (1967). *Russian economic policy under Nicholas I*. New York: Cornell University Press.
- Pokrovskiy, V. I. (1901). *On the stability of the active balance of Russian foreign trade*. Saint Petersburg: Typography of I. Goldberg. (In Russian.)
- Quesnay, F. (2008). Analysis of the Economic Table, pp. 350–357 / In: P. N. Klykin (ed.) *Kene F., Tyurgo A. R. Zh., Dyupon le Nemur P. S. The physiocrats. Selected economic works*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- Raskov, D. E. (2019). Cameralism in Eighteenth-Century Russia: Reform, Translations and Academic Mobility, pp. 274–301 / In: E. Nokkala and N. Miller (eds.) *Cameralism and the Enlightenment: Happiness, Governance, and Reform in Transnational Perspective*. New York, London: Routledge.
- Raskov, D. E. (2008). Monetary Reform of Alexey Mikhailovich and the Problem of Trust. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, (3), 69–80. (In Russian.)
- Sementovskiy, R. I. (2012). *E. F. Cancrin. His life and public activities*. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ. (In Russian.)
- Shepelev, L. E. (2001). E. F. Cancrin and commercial and industrial policy of the financial Department (1823–1844), pp. 145–226 / In: L. E. Shepelev (ed.) *English embankment, 4. Yearbook*. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Shvanebah, P. Kh. (1901). *Monetary change and national economy*. Saint Petersburg: Stasyulevich Publ. (In Russian.)
- Sonnenfels, J. von (1787). *The Initial Foundation of the Police or the Welfare*. Moscow: University typography of N. Novikov. (In Russian.)
- Stein, V. M. (1948). *Essays on the Development of Russian Socio-economic Thought of XIX–XX centuries*. Leningrad: Publ. and Typography of the Leningrad State Order of the Lenin University. (In Russian.)
- Storkh, P. A. (1868). *Materials for the History of the National Currency in Russia from 1653 to 1840*. Saint Petersburg: Printing House of V. Golovin. (In Russian.)
- Sudeykin, V. T. (1891). *Restoration of metal circulation in Russia (1839–1843)*. Moscow: Editorship of the Law Bulletin (Redaktsiya yuridicheskogo vestnika). (In Russian.)
- Svyatlovskiy, V. V. (1913). *Essays on the history of economic views in the West and in Russia*, Part 1. Saint Petersburg: Typography «Gerold». (In Russian.)
- Schumpeter, J. A. (2004). *History of Economic Analysis*, in 3 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ. (In Russian.)
- Tugan-Baranovskiy, M. M. (1917). *Paper money and metal*. Petrograd: Legal book warehouse «Pravo». (In Russian.)
- Zwainert, J. (2008). *History of Economic Thought in Russia. 1805–1905*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)